

РУССКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ТИММОМЪ.

№ 20.

10-го ИЮЛЯ.

1852 года.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГОВАРДА ВЪ ХЕРСОНѢ.

Одно имя Говарда уже наполняетъ душу благоговѣніемъ къ его памяти, пробуждаетъ въ воспоминаніи рядъ высокихъ, свѣтлыхъ подвиговъ любви, которыми богата его жизнь, и краснорѣчиво разсказывается про геройскую борьбу съ собой, которую, естественно, вынесъ онъ прежде, нежели успѣть слить всѣ страсти, всѣ наслажденія жизни въ одну благородную жажду: *alios salvos facere, omnia propter alios*. Вся жизнь его—высокая драма!... Ему принадлежитъ одно изъ самыхъ почетныхъ, самыхъ завидныхъ мѣстъ въ исторіи человѣчества—быть скромнымъ другомъ его, и безкорыстно, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, оправдывать это всю жизнь. Какая высокая, какая благородная сфера нравственной дѣятельности! Онъ представляетъ примѣръ великодушной, самоотверженной готовности примирять съ жизнью все, что постигнуто нищетой, болѣзни, горемъ... Читать исторію подобныхъ людей, значитъ испытать чистую христіанскую радость, и вынести изъ книги зародышъ добра подвига. Къ сожалѣнію, у насъ неѣтъ еще полной біографіи Говарда.

Не принимаемъ на себя смѣлости пополнить этотъ недостатокъ; для этого нужно перо и краснорѣчивѣе, и опытнѣе; ограничиваемся сообщеніемъ мало или вовсе неизвѣстныхъ подробностей о жизни и смерти филантропа въ нашемъ городѣ, предпославъ одинъ краткій очеркъ жизни его до приѣзда къ намъ. Джонъ Говардъ родился въ 1726 году въ Ловеръ-Клафонѣ, близъ Гакнея. Отецъ назначалъ его къ торговымъ занятіямъ, но слабое сложеніе не позволило осуществить сего: онъ посвятилъ себя изученію физики и медицины. Въ 1755 году ужасное землетрясеніе поразило жителей Лиссабона, и это несчастіе отозвалось въ чувствительномъ, благородномъ сердцѣ Говарда живымъ состраданіемъ: онъ отправился туда, чтобы подать руку помощи несчастнымъ. Французскій каперь береть въ плѣнъ корабль, на которомъ онъ ѳдетъ, и Говардъ долгое время содержится въ Брейнѣ плѣннымъ. Это несчастное обстоятельство имѣло отрадное послѣдствіе для человѣчества: оно родило въ душѣ плѣнника великодушную мысль посвятить жизнь облегченію участія заключенныхъ. По возвращеніи въ Англію, его назначили шерифомъ Графства Бедфордскаго, и этимъ самымъ дана ему была

полная возможность осуществить свое прекрасное намѣреніе: онъ имѣлъ право посѣщать тюрьмы во всякое время. Мало того: чтобы вполнѣ постигнуть всю важность своего призванія, онъ выпросилъ себѣ, какъ милостыни, мѣсячнаго тюремнаго заключенія. Просьба его была исполнена. Съ этого времени открывается свѣтлая цѣль его филантропическихъ подвиговъ!... Его благородная усиленія доставили ему вскорѣ въ Англіи громкую извѣстность. Нижній Парламентъ требовалъ его мнѣній объ улучшеніяхъ въ тюрьмахъ, и Англія обязана ему многими благодѣтельными учрежденіями. Укажемъ на одно важнѣйшее: онъ первый уничтожилъ заразу, которая до него часто опустошала тюрьмы. Но этимъ онъ не ограничилъ круга своей дѣятельности: онъ выполнилъ обязанности подданнаго, онъ желалъ съ тѣмъ же самоотверженіемъ исполнить обязанности друга человѣчества. Съ разрѣшеніемъ своего правительства, онъ покинулъ родину. Съ 1775 по 1787 г., онъ совершилъ четыре путешествія въ Германію, пять въ Голландію, два въ Италію, въ Испанію же, Португалію, Турцію и въ сѣверную Европу—по одному путешествію; всюду его вело одно и то же благородное желаніе — утирать слезы несчастнымъ, посѣщая тюрьмы, отыскивая бѣдныхъ, больныхъ, подавая имъ съѣты, врачебныя пособія, деньги, ходатайствуя за нихъ предъ начальствомъ: вотъ какова была его жизнь!... Чрезъ каждые два, три года, онъ издавалъ отчеты о состояніи, въ которомъ находились тюрьмы. Восточная чума поражала народонаселеніе страшными опустошеніями, преимущественно въ Марсели, Ливорнѣ, Венеціи, Константинополѣ, и великодушный Говардъ посвятилъ себя изученію этой ужасной болѣзни, и отысканію средствъ къ уничтоженію ея. Онъ напечаталъ въ 1759 году трудъ: *О главнейшихъ карантинахъ Европы и моровой язвѣ*. Этого мало: онъ отправился въ Египетъ, чрезъ Россію, чтобы на мѣстѣ изучить болѣзнь, посѣтилъ Москву, и наконецъ, въ Октябрѣ 1789 года, прибылъ въ Херсонъ, съ рекомендательными письмами къ Коммерціи Совѣтнику Альбранду отъ Гг. Томсонъ, Ровандъ и товарищей, англійского торгового дома въ Москвѣ. Къ чести Г. Альбранда нужно замѣтить, что филантропу оказанъ былъ самый лестный пріемъ, какого только могъ ожидать себѣ путешественникъ; онъ наялъ для Говарда двухъ-этажный домъ, принадлежавшій долгое время почтовой конторѣ, а нынѣ перешедшій во вла-

дѣніе къ частному лицу (*). Городъ нашъ тогда только возни-

Домъ, въ которомъ Говардъ жилъ и умеръ въ Херсонѣ.

калъ; онъ едва насчитывалъ себѣ нѣсколько лѣтъ существованія; ясно, какъ далеки были отъ благоустройства его больницы, аптеки, тюремный замокъ, и проч.; понятно, какой недостатокъ терпѣлъ онъ въ опытныхъ, искусственныхъ медикахъ. Съ другой стороны, камыши, растущіе на противоположной сторонѣ Диңпра, а на этой—огромное пространство болотъ, невыносимый жаръ, доходившій до 32° по Реомиору, наконецъ недостатокъ растительности, все это подвергало здоровье жителей дѣйствію болѣзни. Въ Херсонѣ три мѣсяца сряду, Іюнь, Іюль и Августъ, свирѣпствовала жестокая, перемежающаяся лихорадка. При такихъ условіяхъ присутствіе Говарда было благодѣтельно для города болѣе, чѣмъ оно могло быть нѣсколько позже. Мудрая Императрица Екатерина повелѣла исполнять всѣ совѣты Говарда.

Говардъ и здѣсь оставался вѣренъ своему призванію. Посѣщать два, три раза въ день больницы и тюремный замокъ, помогать всѣмъ несчастнымъ совѣтомъ и дѣломъ, лечить на свой счетъ всѣхъ бѣдныхъ—вотъ былъ его образъ жизни въ Херсонѣ! Ни холода, ни нечастное время, ни обстоятельства ничто не могло удержать его отъ исполненія этихъ ежедневныхъ, добровольныхъ обязанностей. Одежда на немъ была всегда самая легкая; его встрѣчали всегда въ черномъ фракѣ, подбитомъ ватой, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ. Пищу его составляли четыре чашки чаю: по двѣ утромъ и вечеромъ; двѣ чашки молока, небольшой круглый хлѣбъ и стаканъ ячменного взвара; — мяса не ѳѣлъ никогда, овощей очень много, но весьма рѣдко. При немъ былъ одинъ человѣкъ, котораго онъ считалъ болѣе другомъ, чѣмъ слугою. Говардъ имѣлъ привычку ежедневно посѣщать своего друга и соотечественника, Контрѣ-Адмирала Призмана. Одно обстоятельство, стоявшее ему жизни, заставило его въ первый разъ оставить на времѣ свои занятія, и отлучиться изъ города.

Двоюродная сестра помѣщика Федора Комстадіуса, жившаго въ деревнѣ Садовой, въ семнадцати верстахъ отъ города, опасно заболѣла гнилою горячкою. Всѣ медики единодушно признали излеченіе ея невозможнымъ.

(*) Нынѣ этотъ домъ обращенъ во временную синагогу Караймовъ, противъ Губернскай Гимназіи, на Суворовской Улицѣ.

Г. Комстадіусъ обратился къ великодушію Говарда; онъ отказывается: «Я посвятилъ всѣ свои знанія, все свое искусство, болѣымъ неимущимъ!» Но просьбы, неотступныя убѣжденія родственниковъ поколебали наконецъ его рѣшимость: онъ отправился къ больной. Предписавъ лекарство, и поручивъ уведомить себя о перемѣнѣ болѣзни, онъ возвратился въ городъ.

Лекарство имѣло спасительный результатъ; къ несчастію, письмо о томъ дошло къ нему чрезъ два дня. Опасаясь за жизнь пациентки, онъ потребовалъ немедленно почтовыхъ лошадей. Ихъ нѣтъ! Онъ сѣлъ верхомъ на первую попавшуюся лошадь, и поскакалъ къ больной, но уже было поздно! Она была при послѣднемъ издыханіи, и умерла на его глазахъ...

Погода стояла сырая, холодная, а на Говардѣ было обычное легкое платье: онъ простудился и впалъ въ жестокую лихорадку, которая быстро усилилась.

Контрѣ-Адмиралъ Призманъ, привыкшій къ ежедневнымъ посѣщеніямъ Говарда, не видя его у себя уже нѣсколько дней, рѣшился самъ навѣстить его. Трудно представить, какъ былъ онъ пораженъ, найдя своего друга въ постелѣ, болѣымъ, въ глубокой меланхоліи. Страдалецъ, въ разговорѣ, между прочимъ, замѣтилъ, что смерть уже близка, что онъ приготовилъ духовное завѣщаніе, просилъ Г. Призмана прочитать при его погребеніи молитвы его религіи на Англійскомъ Языкѣ, и уговорилъ купца Дофина позволить предать тѣло его на дачѣ, лежащей въ шести верстахъ отъ города, на любимомъ мѣстѣ его прогулокъ.

Здѣсь-то, на частыхъ своихъ прогулкахъ, бесѣдовалъ онъ съ друзьями, давая имъ совѣты, проникнутые глубокою мудростью, согрѣтые всегда искреннимъ желаніемъ блага юному городу.

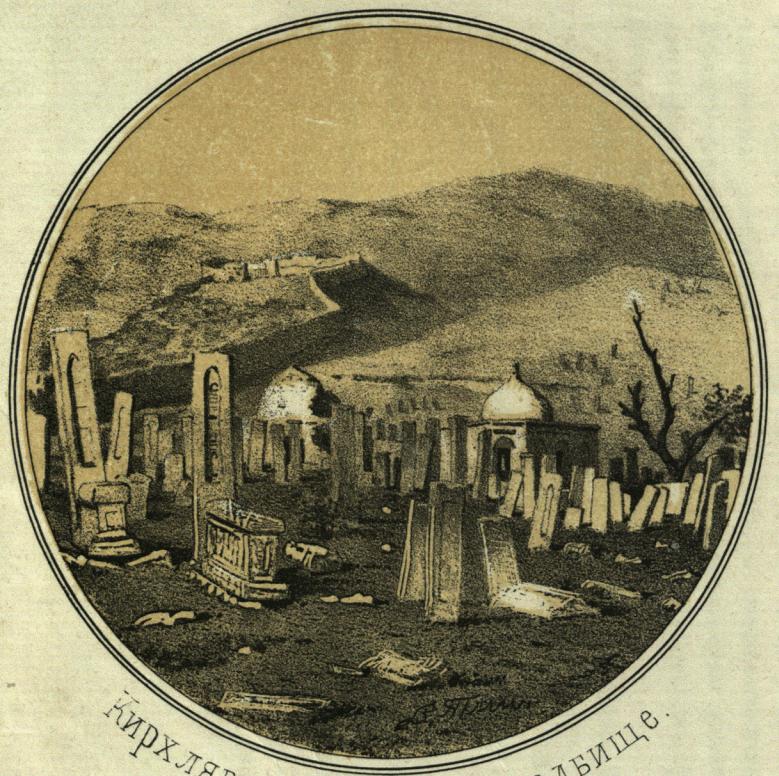
Призманъ намѣревался дать разговору другой оборотъ, Говардъ остановилъ его: «Вамъ кажется печальнымъ нашъ разговоръ: мысль о смерти не имѣть для меня ничего страшнаго; я чувствую, что скоро умру, сегодня или завтра — все равно. Истлѣніе — жребій человѣка, законъ, которому всѣ равно повинуются...»

Проснувшись отъ долгой задумчивости, онъ просилъ похоронить тѣло его безъ всякаго блеска, безъ всякой роскоши: «Не хочу ни монументовъ, ни надписей; но я хотѣлъ бы, чтобы на моей могилѣ были поставлены часы... Духовное завѣщаніе поручаю доставить въ Англію...»

(Продолженіе впередъ.)

На рисункѣ, приложенномъ къ № 20-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены виды города Дербента, рисованные съ натуры В. Тиммомъ, въ Сентябрѣ 1849 года: 1) общій видъ города, снятый изъ городскаго сада; 2) главная улица, ведущая въ крѣпость; 3) один изъ городскихъ воротъ; 4) фонтанъ Ханъ-Булагъ; 5) Кирхляръ, татарское кладбище.

Сверхъ того въ текстѣ, къ статьѣ «Жизнь и смерть Говарда въ Херсонѣ»: Домъ, въ которомъ Говардъ жилъ и умеръ въ Херсонѣ.

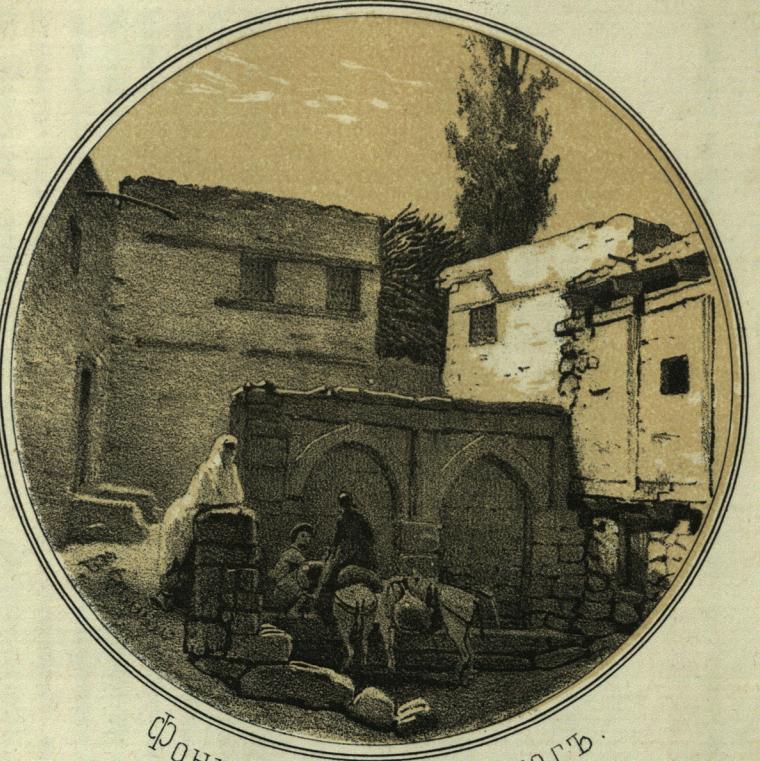

Кирхляръ, татарское кладбище.

Виды города

ДЕРБЕНТА

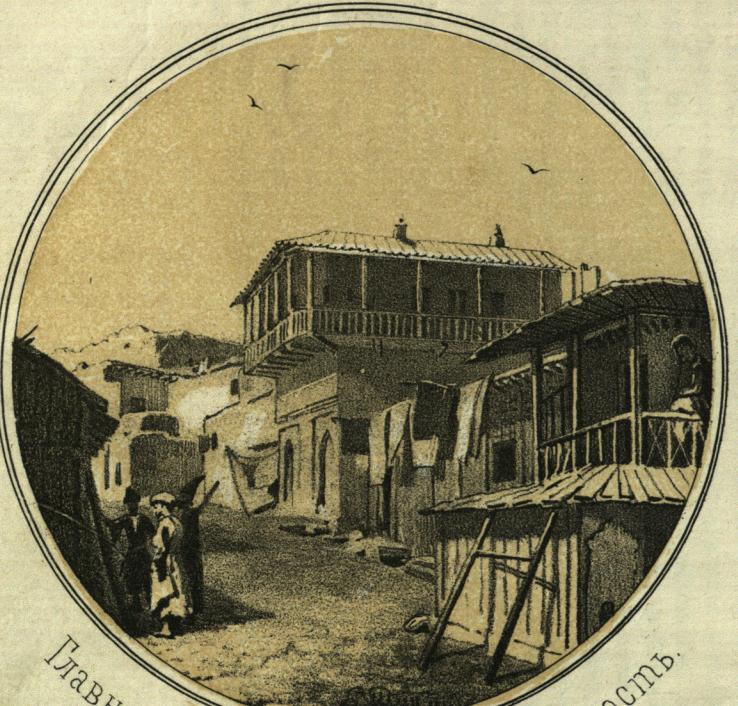
(Закавказский Край).

Фонтанъ Ханъ-Булагъ.

Общий видъ города, снятый изъ городского сада.

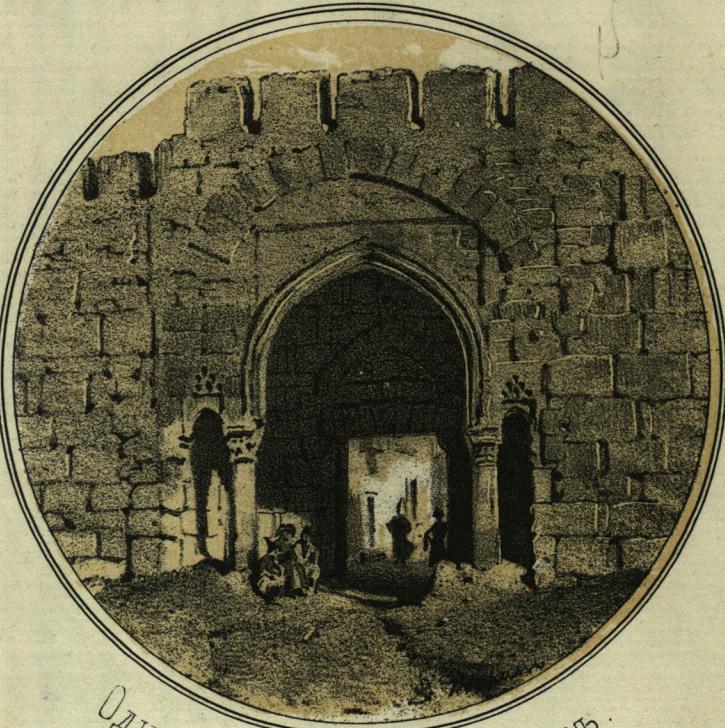

Главная улица, ведущая въ крѣпость.

рисованные съ натуры

В. ТИММОМЪ,

въ Сентябрь 1849 года.

Одни изъ городскихъ воротъ.